

Микитюк С. С.,

*кандидат філологічних наук, доцент кафедри іноземних мов № 1
Національного юридичного університету імені Ярослава Мудрого*

ПОЭЗИЯ ВАЛЬТЕРА СКОТТА В ТВОРЧЕСТВЕ В. А. ЖУКОВСКОГО

Аннотация. В статье анализируется восприятие В.А. Жуковским поэзии В. Скотта – от конспектирования лиро-эпической поэмы «Дева озера» до перевода баллад «Канун святого Джона», «Серый брат» и второй части поэмы «Мармион», что имело огромное значения для творческой эволюции русского поэта и русской литературы.

Ключевые слова: поэзия, перевод, лиро-эпическая поэма, баллада, романтизм.

Постановка проблемы. В представлении большинства читателей Вальтер Скотт – романист, основоположник жанра исторического романа. Однако он начал свой творческий путь как поэт – автор баллад, песен, стихотворных эпиграфов. Первые поэмы Вальтера Скотта сыграли огромную роль в развитии лиро-эпической поэмы, богатой содержанием, новаторской метрикой и рифмой. К сожалению, эта роль Вальтера Скотта мало изучена и практически забыта. Среди русских переводов Вальтера Скотта-поэта известны песня из поэмы «Рокби», приведенная в финале романа Н.Г. Чернышевского «Что делать?» в переводе И.И. Козлова, вольный перевод этой же песни, выполненный Э.Г. Багрицким, и переводы В.А. Жуковского.

Анализ исследований и публикаций. Творчество Вальтера Скотта, историзм и художественная специфика его произведений часто становились объектом исследования критиков и литературоведов. Среди наиболее значительных следует выделить монографию Б.Г. Реизова [1] и работу О.О. Миловановой [2]. Заслуживает внимания статья Ю.Д. Левина о восприятии творчества Вальтера Скотта в России первой трети XIX века [3]. Однако исследования творчества В. Скотта-поэта носили фрагментарный характер и давали отрывочное представление о его поэзии. Среди работ, специально посвященных этой теме, следует выделить исследование Р.М. Самарина [4]. Особый интерес для дальнейшего изучения проблемы восприятия В.А. Жуковским творчества Вальтера Скотта представляют работы Б.Г. Реизова [5], И.А. Панькова [6] и интересное новым материалом исследование Э.М. Жиликовой [7].

Цель статьи. Установить особенности рецепции поэзии В. Скотта в творчестве В.А. Жуковского, специфику пересоздания на русской почве баллад «Замок Смальгольм» и «Покаяние», а также связь повести «Суд в подземелье» с эпическими опытами русского поэта тридцатых годов.

Изложение основного материала. Основная причина такого несправедливого обращения с наследием Вальтера Скотта-поэта в России прежде всего связана с тем, что русские читатели знакомы с личностью английского автора и его творчеством сравнительно поздно через посредничество французской литературы.

Среди литературных и общественных деятелей, бывших в курсе самых свежих литературных новостей Англии без посредничества французских переводов, был С.С. Уваров, занимавший с 1811 по 1822 год должность попечителя Петербургского учебного округа, с 1811 года – почетный член Российской академии наук, а с 1818 – ее президент. Именно ему принадлежит заслуга знакомства В.А. Жуковского с именем Вальтера Скотта. Еще в 1813 году в своем письме русскому поэту С.С. Уваров характеризовал английского автора как талант «большой и оригинальный», подобный таланту В.А. Жуковского. «Это народный поэт в благородном смысле этого слова». Он также высказывал пожелание, чтобы Жуковский занялся поэмою в его роде, и обещал из всех поэм Вальтера Скотта, полученных им из Англии, отправить поэту лучшие [8, с. 162].

В 1822 году появились первые переводы поэтических сочинений Вальтера Скотта: один из них был выполнен прозой М.Т. Каченовским с польского языка (польский оригинал в свою очередь был переведен с французского) – перевод поэмы «The Lay of Last Minstrel». В этом же году в России появляется первый поэтический перевод В. Скотта – баллада «Иванов вечер» В.А. Жуковского, которая сможет увидеть свет лишь в 1824 году.

Однако это было не первое обращение русского поэта к наследию английского романтика. Характеристика английского поэта, приведенная в письме С.С. Уварова, заинтересовала В.А. Жуковского. Об этом свидетельствует его переписка с А.И. Тургеневым. В одном из писем за 1814 год он просит напомнить С.С. Уварову об обещанных книгах [9, с. 76]. В это время начинается активное знакомство В.А. Жуковского с творчеством Вальтера Скотта. Одновременно возникает замысел создания национальной эпопеи «Владимир», на которую поэт возлагает большие надежды. В разделе «Поэты и теория» русский поэт приводит перечень имен поэтов, с которыми следует ознакомиться. Первым в этом списке стоит Вальтер Скотт, за ним Байрон, Тассо, Ариосто, Мур. Жуковский здесь дважды упоминает имя Вальтера Скотта. В конце списка стоит – Ballade de Scott. Вероятно, русского поэта интересует не только широко известный Вальтер Скотт-поэт, обратившийся к истории его родной Шотландии, воссоздавший ее в великолепных живописных картинках, описавший нравы и обычаи своей Родины, но и еще мало известный по переводам Скотт-балладник, издавший сборник «Песни шотландской границы», выполнивший перевод баллады Бюргера «Ленора» и «Дикий охотник», а также автор оригинальных баллад. Неоднократно В.А. Жуковский вносит имя Вальтера Скотта и в списки «Исторического чтения».

В 1815 году еще до появления первых русских переводов обращается В.А. Жуковский к поэме В. Скотта «Дева Озера». Поэт конспектирует 6 песен поэмы. Конспект, полностью приведенный в статье Э.М. Жиликовой, свидетельствует, что В.А. Жуковский фиксирует наиболее важные для него моменты: в первую очередь те, которые связаны с ходом поэмы и способом художественного воссоздания событий и характеров [7, с. 303-305]. Особый интерес для В.А. Жуковского в ней представляет лиро-эпическая природа: умелое сочетание лирического направления и эпико-исторического как результат хорошего знания и активного усвоения традиций, с одной стороны, народной поэзии Шотландии и, с другой, талантливого предшественника Оссиана. В поэме большое внимание уделяется национальному характеру, психологии героев, связанной с дикими нравами средневековой Шотландии, и картинам национальной жизни: обычаям, нравам, быту древних шотландцев. В поэме В. Скотта русский поэт впервые встречается с демоническим характером, который получает двойное освещение: с одной стороны, герой наделен лучшими качествами, с другой, ему присущи необузданные страсти, жестокость. Подобное описание героя появляется в балладе «Эолова арфа». Э.М. Жиликова, исследовавшая черновые варианты баллады в сопоставлении с конспектом «Девы озера», пришла к выводу, что взятый за основу русской баллады образец оссиановской поэзии постепенно наполнялся новыми мотивами и настроениями, часть которых была заимствована у В. Скотта [7, с. 305].

В 1822 году В.А. Жуковский обращается к излюбленному им жанру – балладе В. Скотта «Канун Святого Джона». Мрачная трагедия, развернувшаяся в Смальгольмском замке, постепенное нагнетание ужаса, быстрое развитие действия, прерывистость, загадочность повествования, отсутствие развернутых описаний и соблюдение лучших традиций английской и шотландской народной баллады не могли остаться без внимания русского балладника.

Баллада «The Eve of Saint John» была одна из первых самостоятельных баллад английского поэта. Сам В. Скотт именовал свое произведение как «ghost-story» («рассказ о приведении»), поскольку оно было построено на вмешательстве сверхъестественных сил. Произведение представляет собой стилизацию под народную балладу, состоит из балладных стихов с паузами, свободным наполнением стоп (от двух до четырех) и вольными интонационными ударениями. Народную балладу также напоминает неясное повествование, в некоторых местах даже с прерыванием развития сюжета и тот факт, что поэма представляет собой произведение лишь повествовательное, а не дидактическое или описательное.

Переводчик закончил балладу в 1822 году. В это время его интересовали средневеково-рыцарские баллады – наряду с «Замком Смальгольм» были переведены баллады «Мицение», «Три песни», «Граф Габсбургский». Интерес В.А. Жуковского они вызвали тем, что в основе этих произведений стоял вопрос о выборе человеком своего поведения – тема актуальная для любого периода творчества Жуковского, в них на первый план выступал рыцарский тип сознания, на их материале переводчик интеллектуально углублял идеализацию средневековья. Следует заметить, что концепция средневековья в Западной Европе

сводилась к представлению о «возвышенной» романтике. Таким его в своих произведениях представлял и В.А. Жуковский. Благодаря работе над этими балладами русский поэт интегрировал целое направление, воссоздавая на небольшом материале, самом ярком, в его представлении, огромный и разнообразный мир западноевропейских баллад. Для внушения русскому читателю концепции средневековья от русского поэта требовалось, во-первых, сохранить балладный стиль, при этом он должен был быть понятным русскому читателю, т. е. надо было учитывать русскую литературную традицию, во-вторых, учитывать особенности восприятия и подготовленности читателя, а также специфику русского фольклора (это требовало определенной русификации, но с сохранением средневекового колорита).

Перевод баллады В. Скотта «Канун Святого Джона» очень близок к оригиналу и в то же время далек. Близок потому, что переводчик сохранил балладную строфу оригинала, общее число строк, диалоги баллады, ее образы, интонацию, собственные имена; далек потому, что Жуковский, как всегда при переводе стихотворного произведения, оставался «соперником» автора оригинала, пытаясь приблизить свой перевод к идеалу (принцип, унаследованный Жуковским от классицистических традиций перевода и теории «мифического» перевода Ф. Новалиса). Переводчик вносит в текст ряд характерных для него и обусловленных различными причинами больших и незначительных изменений, которые повлекли за собой перестройку художественной системы.

Создавая перевод баллады, который Белинский назвал по языку одним из удивительнейших произведений В.А. Жуковского, русский поэт отчетливо видел своего читателя, подготовленного к восприятию литературных баллад и незнакомого с шокирующими нравами и обычаями средневековья, поэтому переводил его в иной стиль, меняя вальтер-скоттовский романтизм, близкий к источникам английского и шотландского фольклора, на условно-литературный, опуская при этом ненужные детали. Он создавал свое оригинальное произведение – свой язык, свою лирику, свою манеру письма, но при этом у него получался необычайный по точности внутреннего содержания художественный перевод.

В конце марта – в начале апреля 1831 года В.А. Жуковский переводит небольшую балладу В. Скотта «The Gray Brother» («Серый брат» или «Серый монах»). После опытов в 20-е годы с лиро-эпическими жанрами баллада под пером поэта претерпевает существенные изменения: объективируется контекст баллады, усиливаются религиозно-дидактические элементы, меняется характер фантастики. Баллада «Покаяние» – перевод баллады «Серый монах» – это повествование с мрачными коллизиями греха, возмездия и искупления. В ней средневековье выступает как мир, который живет представлениями о противоположности и одновременно в тесном контакте земных и небесных сил. Баллада В. Скотта представляет собой незаконченное повествование. В.А. Жуковский придал ей законченный вид и внес ряд изменений, связанных с его религиозно-мистическими представлениями тех лет. В переводе 32 строфам оригинала соответствует 53. Практически точно сохранив композицию баллады В. Скотта, русский переводчик дополняет повествование рассказом

о трагедии, в свершении которой раскаивается герой, которая стала причиной его паломничества в Рим.

Сюжет этого рассказа, вероятно, был взят русским переводчиком из предисловия Вальтера Скотта, предпосланного оригинальной балладе. Русский поэт берет за основу это повествование, добавляя один новый нюанс, с первого взгляда не имеющий большого значения. События трагедии разворачиваются в «часовне пустынного места». В предисловии это место значится как «house» (дом), а в балладе Скотта – «grange» (ферма). Таким образом, переводчик нагнетает конфликт повествования – вина героя не только в том, что он заживо сжигает двух возлюбленных, он сжигает их в божьем доме, что для христианина недопустимый грех. Отсюда идет перестройка художественной системы подлинника. В.А. Жуковский создает более отчетливый контраст между душевным миром грешника и противопоставленным ему поэтическим миром природы, в которой постоянно ощущается присутствие божественного.

В 1832 году В.А. Жуковский создает произведение «Суд в подземелье». В комментариях к ней часто это произведение значится как перевод второй песни поэмы Скотта «Мармион», названной в оригинале «Монастырь». Однако сопоставление двух произведений позволяет сделать вывод, что повесть русского автора, при весьма точном переводе некоторых строк оригинала, особенно тех, в которых содержатся описания, в целом нельзя назвать переводом, даже вольным. В.А. Жуковский, концентрируя материал вокруг Матильды (у В. Скотта – Констанция), группируя особым образом строфы и освобождаясь от побочных сюжетных линий, в сюжетном отношении создает свое оригинальное произведение. Если В. Скотт, создавая в 1808 году поэму, ставил перед собой задачу рассказать читателям о времени, когда происходит действие, и познакомить их с нравами той эпохи, то В.А. Жуковский, обращаясь лишь к сюжету второй песни, выдвигает на первый план трагедию человеческой личности, концентрирует внимание читателей на противоречии между естественными стремлениями человека и жестокими догмами церкви.

Несмотря на явный подражательный характер в принципах художественной организации поэтического слога, русский поэт в процессе разрешения конфликта создает более отчетливый контраст между поэтическим миром, в котором он любит природу, невинностью и простодушием юных монахинь, и миром подземелья, где царят беспощадные судьи. Он создает свой оригинальный художественный мир, в котором более резко очерчивает контуры безобразного и поэтизирует прекрасное.

Обращение В.А. Жуковского к поэме В. Скотта связано, прежде всего, с его творческими поисками как эпического писателя, его восприятием эпических и философских идей В. Скотта. Свободно обрабатывая английскую поэму, поэт создает свое оригинальное произведение как в сюжетном отношении, композиционном, так и в области поэтического слога: усиливается драматизм и трагизм повествования, история приобретает повествовательный характер, соответствующий жанру «повесть».

Выводы. Анализ восприятия В.А. Жуковским наследия Вальтера Скотта-поэта позволяет сделать вывод, что знакомство с произведениями английского романтика было важным этапом в творческом и духовном раз-

витии русского поэта и русской литературы. Интерес к творчеству «шотландского чародея», сохранявшийся на протяжении многих лет, начиная с 1810-х гг., был связан прежде всего с творческой эволюцией самого русского поэта от лиро-эпических произведений к широкому эпическому мышлению. Поэтика поэмы «Дева озера» нашла отражение в оригинальном творчестве (балладе «Эолова арфа»). Перевод баллады «Замок Смальгольм» и отрывка поэмы «Мармион» с их установкой на повествовательность, были не просто первыми эпическими опытами, они стояли у истоков русской стихотворной повести. Благодаря творческим опытам В.А. Жуковского современный читатель получает представление о малоизвестной сегодня грани таланта Вальтера Скотта-поэта.

Литература:

1. Реизов Б.Г. Творчество Вальтера Скотта / Б.Г. Реизов. – М.-Л. : Художественная литература, 1965. – 498 с.
2. Милованова О.О. Проблемы историзма в русской критике пушкинской эпохи / О.О. Милованова. – Саратов, 1976. – 77 с.
3. Левин Ю.Д. Прижизненная слава Вальтера Скотта в России / Ю.Д. Левин // Эпоха романтизма : Из истории международных связей русской литературы. – Л. : Наука, 1975. – С. 5–67.
4. Самарин Р.М. Поэмы и стихотворения / Р.М. Самарин // Вальтер Скотт. Собрание сочинений в 20 т. – М.-Л., 1965. – Т. 19. – С. 768–784.
5. Реизов Б.Г. Жуковский, переводчик Вальтера Скотта : «Иванов вечер» / Б.Г. Реизов // Русско-европейские литературные связи. – М.-Л., 1966. – С. 439–446.
6. Паньков И.А. Жуковский – читатель и переводчик Вальтера Скотта / И.А. Паньков // Материалы Всесоюзной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс». – Новосибирск, 1977. – Филология. – С. 135–143.
7. Жилиякова Э.М. Вальтер Скотт в библиотеке В.А. Жуковского / Э.М. Жилиякова // Библиотека В.А. Жуковского в Томске. – Томск, 1988. – Т. 2. – С. 300–366.
8. Письмо С.С. Уварова В.А. Жуковскому от 17 августа 1813 года // Русский архив. – 1871. – С. 0161–0162.
9. Письма В.А. Жуковского к Александру Ивановичу Тургеневу. – М., 1895. – 322 с.

Микитюк С. С. Поезія Вальтера Скотта в творчості В. А. Жуковського

Анотація. У статті аналізується сприйняття В. А. Жуковським поезії В. Скотта – від конспектування ліро-епічної поеми «Діва озера» до перекладів балад «Переддень святого Джона», «Сірий брат» та другої частини поеми «Марміон», що мало величезне значення для творчої еволюції російського поета і російської літератури.

Ключові слова: поезія, переклад, ліро-епічна поема, балада, романтизм.

Mykytiuk S. Poetry of Walter Scott in creative work of V. A. Zhukovsky

Summary. The article examines the perception of the poetry of W. Scott by V. A. Zhukovsky – from note-taking of the lyrico-epic poem «Lady of the Lake» to translations of the ballads «The Eve of Saint John», «The Gray Brother» and the second part of the poem «Marmion», that was of great importance for the creative evolution of the Russian poet and Russian literature.

Key words: poetry, translation, lyrico-epic poem, ballad, Romanticism.